

* * *

Даже неважно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять –
Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
Выдох и вдох мировых океанов.
Протуберанцы кровавых эпох
И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суета?..
На сквозняках безразличной Вселенной
Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
Самонадеянно самозабвенно.

Где ж королевич мой свет-Елисей?
Что ж он никак не вернётся из странствий?
Пусть поцелует меня поскорей:
«Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

* * *

Овладев античным гекзамЕтром,
Я вдыхаю сумрачный простор,
Где вовсю качается под ветром
Петербургский пьяный светофор.

С ним в обнимку грустный гастарбайтер
Провожает взглядом лимузин.
И столичным стритом лунным найтом
Рассекает хипстер, сукин сын.

Время хипануть и удивиться,
Стоило ли ехать далеко,
Чтобы в этой западной столице
Встретиться с ташкентским земляком?..

Помнится, в Ташкенте кентовали,
Обнимали пьяный светофор,
Также хипповали, шизовали,
Никого не видели в упор.

Словно неизбежная издержка
Всех житейских и душевных драм,
Еле уловимая усмешка
Прикипела намертво к губам.

Я бы и хотела улыбаться
Ранюю запёкшегося рта
Так, как будто мне опять семнадцать
И не смыслю в жизни ни черта.

Но глядит с ответною издевкой,
На меня глядит со всех сторон –
Петербург – от Лиговки до Ржевки, –
Что похож на обморочный сон.

Презирая суетные контры,
Он летит гекзаметром в зенит!..
Он меня, конечно, пересмотрит,
Только всё же не переглядит.

* * *

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи приبلудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились –
Их сорвать хотела – да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаясь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

Пусть вы не торжество добра и света,
Как ни крути, вас не любить нельзя –
Сценичные циничные поэты.
Заклятые самарские друзья.

Ведь я была одной из вас когда-то.
Хотела б откреститься, да никак!
Разбойные запойные ребята,
Отечеством считавшие кабак.

Рассадин, Чепурных, Олег Портнягин...
Ах да, Сиротин! Как забыла я!
Немало вы попортили бумаги...
...И Семичев – особая статья.

Немало вы кровей моих попили
Вприхлёб с самарским пивом «Жигули».
Немало, как княжну, меня топили,
Но утопить в итоге не смогли!

Не утонула, породнилась с Волгой...
Она во мне свою признала дочь.
И с той поры – увы и слава Богу! –
Ни помешать нельзя мне, ни помочь.

И разве я могла в вас не влюбиться,
Как ни крутили пальцем у виска,
Когда взлетали стрАнницы-стрАнИцы
И строфы-катастрофы в облака?

Когда, презрев досужие приметы
И больше не желая быть, как все,
И я взлетала с ними против ветра
По этой чёрной взлётной полосе?..

Эх, не ето, не пито, не курено,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены –
Ни сказать, ни пером описать!
Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
«Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..»
И – привычное, право, занятие! –
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт, и кипит самовар?

Гость незванный получше татарина!..
Для кого же, не званного в дом,
Банька топлена, липа заварена,
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну нисколько не верится мне
В то, что здесь не для нас красны девицы,
Словно маковый цвет по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Полыхает закатное зарево –
Приюти дураков до утра!

* * *

Жигулёвская вольница стонет: «Вернись!..»
Новгородская вольница чаёт: «Приди!..»
Это смех, это грех, это жечь, это жисть,
Это вольная воля в разверстой груди.

Заплутавшая в северном синем бору,
Целовавшая питерский гордый гранит,
Эта вольная воля звенит на ветру
И шутя обживает имперский зенит.

Что ей труб водосточных крикливая жечь
И слезливая жисть прошлогодних снегов?
Пьяный смех, свальный грех и бездарная месть
Тех, кто тщилися стяжать себе званье врагов?

Что ж, попытка не пытка, и где наша не
Пропадала, печалилась, пела, летала...
Я вернусь по весне... Я вернусь по весне –
Високосной весной – разве этого мало?

«...В конце письма поставить «Vale»...
Пушкин

* * *

В конце письма поставил: «Vale...»
Ох, Валентина! Ох, змея!
Ведь он писал ко мне вначале,
В его душе царила я.

Расставшись вроде с Терпсихорой,
А также много с кем ещё,
Дианы грудь ланитам Флоры
Он благосклонно предпочёл.

Но как винить его за это?..
Своей не чувствуя вины,
Так все великие поэты
Всегда в кого-то влюблены!

Не помышляя об измене,
Презрев душевный уют,
Они влюбляются мгновенно
И за любовь на смерть идут.

Идут... За ними не угнаться.
Они – заложники любви.
Нет, обойдусь-ка без нотаций,
Скажу с улыбкой: «Отвали!»

Вали-вали к змеище Вальке.
In vino veritas, не трусь!
Переживу свои печальки,
Да и латыни подучусь.